

РАЗВИТИЕ ЭМБЛЕМАТИКИ НА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЩИТАХ

Можно выделить два предмета древнегреческого вооружения, на которых имелась ясная символика, – щит и шлем. Гоплитский щит диаметром около 1 м имел достаточно много места, чтобы показать врагу, кто перед ним, тогда как шлем представлял и своим, и чужим ранг сражающегося. Причем по античной традиции эллины не были изобретателями ни эмблем на щитах, ни султанов на шлемах, – они их заимствовали от карийцев (Herod. I. 171; Schol. ad Thuc. I. 8. 1; Strabo. XIV. 2. 27; ср.: Plin. HN. VII. 200; Polyaeus. VII. 3). В данной работе речь пойдет об эмблемах на щитах тяжеловооруженной пехоты гоплитов – основе греческой армии. Легкая пехота, как правило, не имела щита, на пельте же, появившейся в греческой паноплии с конца VI в. до н.э., не было развитой системы эмблематики. Греческая конница получила щиты в период эллинизма, во второй трети III в. до н.э., и изображения на ее щитах, вероятно, соответствовали тенденциям данной эпохи.

В связи с исследованием древнегреческой и римской символики вопрос об эмблемах на щитах изучался еще в первой половине XIX в. В 1841 г. появилась монография боннского профессора Х.С.Т. Бернда, посвященная геральдике. В первом томе рассматривалась древность, в частности большое внимание уделялось сведениям письменных источников об эмблемах на щитах, которые автор сопоставлял с изображениями на вазах и монетами¹. В 1852 г. немецкий исследователь В.Г. Фухс выделил в своей диссертации некоторые значения эмблем: апотропеи, обозначения страны, подчеркивание функции щита². Статья Й. Брандиса, исследующая данную тему, посвящена в основном гермам на монетах, а также штемпелям магистратов на керамической посуде³. В своей диссертации М. Грегер также уделил внимание эмблемам на щитах, основываясь на материале вазописи⁴. Фундаментальное исследование по теме появилось в 1902 г., и принадлежит оно Дж. Чейзу. Автор на основании большого числа изученных изображений на вазах выделил 12 категорий эмблем: 1) чисто декоративные; 2) внушающие страх врагу; 3) относящиеся к культу бога; 4) обозначающие страну или гражданство (личные и общие у всего войска); 5) относящиеся к семье или предку; 6) информирующие о деяниях или судьбе носителя; 7) обозначающие звание или 8) персональные качества; 9) представляющие произведения искусства; 10) символизирующие имя воина; 11) скомбинированные из различных элементов; 12) выбранные по личному желанию щитоносца⁵. Как видим, Дж. Чейз выделил лишь сюжетные категории, но не показал, почему и как шло их развитие. В определенной мере этот пробел для классической эпохи восполнила научно-популярная статья англо-польского антиковеда Н. Секунды, посвященная в частности семейным и государственным эмблемам⁶. Однако полной линии развития эмблематики мы и тут не найдем – данную проблему и призвана осветить настоящая статья.

Греки не сразу стали изображать эмблемы на щитах. В микенскую эпоху огромные восьмеркообразные или башеновидные щиты не имели эмблем, они покрывались

¹ Bernd Ch.S.Th. Die Hauptstücke der Wappenwissenschaft. Abt. I. Das Wappenwesen der Griechen und Römer und anderer alter Völker, ein Vorbild des mittelalterlichen und neuen. Bonn, 1841. S. 9–54.

² Fuchs G. De ratione quam veteres artifices imprimis vasorum pertores in clipeis imaginibus exornandis adhibuerint. Gottingae, 1852 (к сожалению, данную работу я не смог найти в библиотеках).

³ Brandis J. Beiträge zur griechischen Wappenkunde // Zeitschrift für Numismatik. 1874. Bd I. S. 43–48.

⁴ Greger M. Schildformen und Schildschmuck bei den Griechen (Besonders nach den Denkmälern). Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Fakultät der Friedrich-Alexanders-Universität. Erlangen, 1908. S. 53–97.

⁵ Chase G.H. The Shield Devices of the Greeks // Harvard Studies in Classical Philology. 1902. 13. P. 78–92.

⁶ Sekunda N. Hoplite Shield Devices // Osprey Military Journal. 2000. 2. Issue 5. P. 16–22.

шкурой быка, возможно, имевшей апотропейную функцию⁷. В период «темных веков» использовался щит с умбоном; насколько нам известно, он был без эмблем. Во второй половине VIII в. до н.э., когда появились изображения на греческих геометрических вазах, воины обычно нарисованы на них со щитами или вообще не имеющими узора, или с простым орнаментом в прямую или косую клетку, реже тут представлены круги, розетки, звезды – в основном на более поздних круглых щитах⁸. Гомеровские герои узнавали друг друга по щиту (Hom. II. V. 182), очевидно, хорошо зная его форму и узор. Агамемнон имел щит, украшенный концентрическими кругами, бляхами и Горгоной в центре (Hom. II. XI. 33–39)⁹. Следовательно, уже в эпоху Гомера изображения на щитах должны были устрашать врага. Подобное украшение щита – реальное, в отличие от панорамы, изображенной на щите Ахилла, которая может являться как простым художественным приемом поэта, так и быть навеянной многофигурными сценами на концентрических полях ближневосточных круглых щитов первой половины I тыс. до н.э. (Hom. II. XVIII. 478–610; ср. Ovid. Metam. XIII. 110). Позднее уже в подражание Гомеру, по сложившейся поэтической традиции, другие авторы расписывали сложными композициями щиты своих героев, но это – лишь литературный прием (Hesiod. Scut. 139–320: щит Геракла; Eurip. El. 452–469: щит Ахилла; Philostr. Min. Imag. 11. 5–20: щит Неоптолема; Verg. Aen. VIII. 652–731: щит Энея; Quint. Smyrn. Posthomer. VI. 198–293: щит грека Еврипила; Non. Dionys. XXV. 389–572: щит Диониса)¹⁰. В целом же в гомеровскую эпоху эмблемы были редки, если не исключительны. Один раз в «Илиаде» (XXII. 294) упоминается белый щит у троянца Деифоба (Hesych. s.v. λευκάσπιδα). Причем позднее, в историческое время, выкрашенные в белое асписы ассоциировались с аргосским войском (Aesch. Sept. 89; Soph. Antig. 106; Eurip. Phoen. 1099)¹¹.

Со временем простые геометрические и растительные узоры распространяются, а затем в течение VII и особенно VI в. до н.э. появляются более сложные изображения, представляющие различных животных или предметы, которые имели разные значения¹². Причем, судя по вотивным свинцовым фигуркам воинов из храма Артемиды Орфии (VII в. до н.э.) (гоплиты имеют щиты с простыми узорами, а не с фигурными изображениями), спартанцы отставали от этого общего процесса развития¹³. Эмблемы в архаическую эпоху вырезались из бронзы и прикреплялись в виде аппликации или рельефа к центру, служа усилением щита¹⁴. Изображения могли рисоваться на бронзовой обшивке, когда последняя появилась. Круглая форма гоплитского асписа, доминировавшего с начала VII в. до н.э., способствовала расположению крупного изображения по центру в отличие от дипи-

⁷ Может быть, и сама форма щита в виде восьмерки имела сакральное значение (Жагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913. С. 48). Ведь и позднее дипилонский и даже беотийский щит, вероятно, носил сакральную функцию, о чем, к примеру, свидетельствуют изображение дипилонского щита на круглом гоплитском асписе (Алексинский Д.П. Беотийский щит как героический атрибут // Музей – хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. Материалы V Санкт-Петербургских религиозно-исторических чтений. Ноябрь 1997. СПб., 1997. С. 62–63).

⁸ Snodgrass A.M. Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964. P. 62–63. Дж. Чейз нашел на одной «геометрической» амфоре из Берлина щит с изображением головы быка, однако, поскольку автор причисляет и кратер Аристонофа (вторая половина VII в. до н.э.) к геометрическому (а не ориентализирующему) периоду, то речь, скорее всего, также идет о вазе VII в. до н.э. (Chase. Op. cit. P. 79, 99; ср. Greger. Op. cit. S. 62).

⁹ Об этом щите см. Borchhardt H. Frühe griechische Schildformen // Archaeologia Homerica. Bd I. Kap. E. Teil. 1. Göttingen, 1977. S. 50.

¹⁰ Алексинский Д.П. «Щит Ахилла»: гипостазированная метафора как источник исторической реконструкции // ΣΥΣΤΙΤΙ Α. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 391–399.

¹¹ Bernd. Op. cit. S. 21.

¹² Chase. Op. cit. P. 78.

¹³ Snodgrass A.M. Early Greek Armours... P. 62; см. Андреев Ю.В. Кто изобрел греческую фалангу? // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7. Рис. 3.

¹⁴ Snodgrass A.M. Arms and Armour of the Greeks. L., 1967. P. 54–55.

лонского щита с его тенденцией к симметричности узора, расположенного сверху и снизу.

Сами древние появления эмблем относили к легендарному прошлому. Так, Плиний (NH. XXXV. 13) просто считал, что у героев Троянской войны были изображения на щитах. В классическую эпоху героев похода против Фив изображали носящими на щитах пышные и сложные эмблемы, лишь часть из которых могла реально существовать, что подтверждается изображениями на вазах, а часть была просто вымышлена драматургами для придания величия и значимости образу¹⁵. Уже у Эсхила герои имеют фигурные изображения на щитах: у Тидея – небесный звездный свод с глазом ночи; у Капанея – обнаженный муж с факелом и девиз: «Спалю город»; у аргосца Этеокла – гоплит, лезущий вверх по лестнице, и надпись; у Гиппомедонта – огнедышащий великан Тифон; у Гипербия – сидящий Зевс с перуном; у Парфенопея – сфинкс, терзающий фиванца; у Амфиарая – щит без изображений; у Этеокла – гоплит, ведомый богиней (Aeschyl. Sept. 385–649; 467 г. до н.э.). Еврипид дал другие эмблемы участникам этого же похода: Парфенопей имел на щите изображение калидонского вепря, убитого его матерью Аталантой; у Амфиарая – эмблем нет; на щите Гиппомедонта был показан стоглазый Аргус; щит Тидея украшала шкура льва; Полиник имел на щите изображение движущихся коней-людоедов Главка; гигант, взявший город на плечи, украшал щит Капанея; гидра была изображена на оружии Адраста (Eurip. Phoen. 1108–1139; ок. 411 г. до н.э.). В I в. н.э. Стаций приписывал Капанею щит с изображением трехглавой Лернейской гидры, Амфиарая – с Пифоном, а Парфенопею – с изображением Аталанты на калидонской охоте (Stat. Theb. IV. 168–269). Таким образом, по замыслу трагиков и следующего традиции латинского поэта эмблемы на щитах нападавших играли устрашающую роль по отношению к обороняющимся фиванцам. Лишь противник похода прорицатель Амфиарай у Эсхила и Еврипида не имеет эмблемы, и это не случайно: он не хотел воевать. Несхожесть эмблем показывает, что они имели лишь литературное значение. Отметим, что на вазописи VI–V вв. до н.э. фигурные композиции также обычно рисовались на архаических беотийских щитах¹⁶. Видимо, не существовало четкой эпической традиции, которая строго приписывала бы определенные символы конкретным героям. Так, согласно Аполлодору (Bibl. III. 6. 1), на щитах Тидея и Полиника были изображены головы вепря и льва. Подобные же чисто символические изображения были и на статуе Афины-Девы, которая имела щит, с внешней стороны украшенный сценами амазономахии, а с внутренней – гигантомахии (Plin. NH. XXXVI. 18; Paus. I. 17. 2).

Другие более реальные индивидуальные эмблемы мы находим в других источниках. Еврипид в трагедии «Мелеагр» дал Теламону щит с изображением золотого орла для защиты от зверя (Eurip. Fr. 534 Nauck). Живописец первой половины V в. до н.э. Полигнот изобразил на стенной росписи здания книдян в Дельфах Менелая, имеющего щит, на котором была представлена змея (дракон) в память о ее чудесном явлении при жертвоприношении в Авлиде (Paus. X. 26. 3; ср. Ном. II. II. 305–319). Следовательно, по мнению художника, передающего современное положение вещей или, по крайней мере, недавнее прошлое, воин сам выбирал себе эмблему. То же самое мы можем сказать и о выборе Одиссеем дельфина в качестве эмблемы на своем щите и на перстне-печатке, так как, согласно Плутарху, передающему свидетельство поэта Стесихора (ок. 600 г. до н.э.), дельфин спас тонувшего Телемаха (De sol. ap. 36 = Moral. 985 B; Schol. ad Lycophr. Alex. 658). Отметим, что в Афинах личные перстни-печати были обычны уже во время Солона (Diog. Laert. I. 57), и в принципе изображения на них могли соотноситься с эмблемами на щитах¹⁷. На ларце, в котором, по преданию, был спасен младенец – будущий тиран

¹⁵ Chase. Op. cit. P. 67–71.

¹⁶ Ibid. P. 89–90.

¹⁷ Brandis. Op. cit. S. 53; Buchem H.J.H. van. Family Coats-of-Arms in Greece? // The Classical Review. 1926. 40. P. 182.

Коринфа Кипсел (правил ок. 657–625 гг. до н.э.) и который позднее был посвящен в Олимпию, был представлен Агамемнон, имеющий щит с изображением Ужаса с львиной головой (Paus. V. 19. 4). Ферон, жрец Геракла, в поэме Силия Италика (Pun. II. 158–159), носил не только палицу и львиную шкуру, но и щит с изображением ста змей с Лернейской гидрой. Следовательно, и тут мы видим индивидуальный выбор героя в соответствии с его желанием показать, кто он.

В более позднее время продолжали существовать эмблемы, выбираемые по индивидуальному вкусу воина. Так, Плутарх в качестве анекдотического случая рассказывает, что у одного спартанца на щите была изображена муха в натуральную величину (Arophth. Lacon. 69. 41 = Moral. 234 C). Личные символы на щитах существовали, главным образом, в архаических консервативных полисах. Согласно эпиграмме Диоскорида из Александрии (ок. 225 г. до н.э.), критянин Гилл, сын Политта, имел на своем щите изображение головы Горгоны с тремя коленами, которое поэт объясняет стремлением воина утратить врага (AP. VI. 126). Возможно, посередине была Горгона, а три ноги расходились из центра к краям¹⁸. Поскольку Диоскорид был антикваром¹⁹, а аналогичные эмблемы (Медуза или три ноги) обычно встречаются на архаических щитах, то, вероятно, имелся в виду древний герой. Причем подобное сочетание Горгоны и трех ног было очень редким – Дж. Чейз нашел его лишь на беотийском щите у одного воина, представленного на аттической чернофигурной амфоре из Мюнхена²⁰. Все же нельзя исключить, что речь в эпиграмме шла не о древнем воителе, а о каком-то известном современнике поэта или же о воине, жившем в недалеком прошлом, который сам выбрал эмблему на щит.

Первоначально эмблемы, вероятно, выбирались с определенными сакральными целями. Так, нам известно, что при погребениях архаической эпохи аркадяне отворачивали изображение на щите от трупа, чтобы не осквернить эмблему (Vaschyl., fr. 8 Blass = Serv. ad Verg. Aen. XI. 93). Например, у предводителя мессенцев Аристомена (вторая треть VII в. до н.э.) на щите был изображен орел с расправленными крыльями (Paus. IV. 16. 7). Возможно, в память о том, что он был спасен орлом, который поддерживал его, когда спартанцы сбросили его, пленного, в пропасть (Paus. IV. 18. 5). Однако по другой версии Аристомен, сброшенный со скалы со своим оружием, использовал свой щит в качестве своеобразного парашюта (Polyaen. II. 31. 2). Следовательно, в данном случае изображение орла, наоборот, позднее могло быть реинтерпретировано как настоящая птица. Дж. Чейз полагает, что данная эмблема предводителя мессенцев была посвящена Зевсу²¹. Во время Платейской битвы (479 г. до н.э.) отличившийся среди афинян Софан из Декелеи имел щит с изображением якоря как символа своей стойкости в бою (Herod. IX. 74). Дж. Чейз предлагает связать данный символ с культом Посейдона²².

Можно отметить определенную тенденцию в выборе эмблем для щитов легендарных героев. Так, сыновья носили изображения, напоминающие о славных деяниях родителей: как было сказано, на щите Парфенопея был показан сраженный калидонский вепрь, которого убила его мать Аталанта. Согласно Пиндару (Pyth. VIII. 45), Алкмеон, сын Амфиарая, обладал щитом с изображением змеи, которое схолиаст поясняет тем, что сын сохранил искусство прорицания отца (Schol. ad Pind. Pyth. VIII. 45). На щите Авентина, сына Геракла, была изображена Лернейская гидра в память о подвиге отца, убившего это чудовище (Verg. Aen. VII. 657–658). Нилей, утверждавший, что рожден Нилом, изобразил на щите семь устьев этой реки (Ovid. Metam.

¹⁸ Gow A.S.F., Page D.L. The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams. V. II. Camb., 1965. P. 245.

¹⁹ Ibid. P. 235–236.

²⁰ Chase. Op. cit. P. 76. Not. 10; 107. № CXXIII. Впрочем, насколько можно понять, на данном беотийском щите изображения не были совмещены, а располагались сверху и снизу.

²¹ Chase. Op. cit. P. 76.

²² Ibid. P. 76. 93. № II. Заметим, что на чернофигурной аттической амфоре из Вульчи начала V в. до н.э. мы видим архаического гоплита с подобной эмблемой (Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. I. Vb).

V. 187–192). Предводитель танагрцев Дриант имел на щите белый трезубец и золотой перун (Stat. Theb. VII. 255–256), поскольку был внуком Ориона – созвездия, появление которого осенью считалось предвестником гроз и бурь (Verg. Aen. I. 535–539). Противник Энея Турн носил на своем щите изображение жрицы Ио, превращенной богиней Герой в корову, которую охранял Аргус; тут же был изображен отец Ио и предок Турна речной бог Инах (Verg. Aen. VII. 789–792; Serv. ad Verg. Aen. VII. 792). Нонн (Dionys. XIII. 214–218) описывает щит Эака, украшенный изображением Зевса, который в виде орла похищает мать Эака Эгину, т.е. сцена рассказывает о героическом происхождении персонажа. На статуе скульптора Оната из Эгины (начало V в. до н.э.) Идомея носил щит с изображением петуха, поскольку он вел свой род от Гелиоса, которому и посвящена эта птица (Paus. V. 25. 9). Хотя авторы и приписывали данные эмблемы героям, но обычай изображения эмблем, показывающих происхождение, скорее был характерен для V в. до н.э., а возможно, и раньше. На могиле погибшего в 362 г. до н.э. Эпаминонда был поставлен щит с изображением змеи (дракона), поскольку род полководца восходит к спартам (Paus. VIII. 11. 9), пяти воинам, выросшим из посеянных зубов дракона, которого убил основатель Фив Кадм; на щите галиартца Неохора, убившего в битве при Галиарте (394 г. до н.э.) Лисандра, была также изображена змея (дракон) (Plut. Lys. 29; Pyth. or. 27 = Moral. 408 B), также, возможно, символизировавшая его связь с теми же спартами. Согласно Силию Италику (Pun. X. 173–175), ибер Форк носил на щите изображение Горгоны, поскольку он считался потомком Медузы, а кроме того, эмблема должна была, как и легендарная Медуза, устрашать врага (Pun. II. 176–179).

Итак, видимо, первой унификацией изображений были семейные (родовые) эмблемы, символизировавшие происхождение воина или подвиги его предков, ведь в патриархальном обществе греков семейно-родовые узы были особенно сильны. Поскольку оружие, в том числе и щиты, передавалось от отца к сыну, то и эмблема могла сохраняться, пока кто-либо из потомков ее не изменял (Plut. Apophth. Lacon. mul. 5. 15 = Moral. 241 F). Четкой геральдической системы, закреплявшей за определенными семьями и родами некие гербы, не существовало.

Судя по замечанию Плутарха, в последней трети V в. до н.э. среди афинян родовые эмблемы были обычными (Plut. Alcib. 16: ἐπίσημον τῶν πατρίων). С другой стороны, даже в данный период их ношение не было обязательным. Особенно это касается знати и военачальников, стремившихся выделиться из основной массы. Так, на позолоченном щите Алкивиада не было символа предков, но только Эрот с молнией (Plut. Alcib. 16; Athen. XII. 534 e); щит Никия был украшен золотом и пурпуром (впрочем, видимо, на внутренней стороне – Plut. Nic. 28; ср.: Paus. VI. 19. 4). В комедии «Ахарняне», поставленной в 425 г. до н.э., Аристофан описывает щит военачальника Ламаха, украшенный Горгоной, – вероятно, рельефным горгонеионом, вставлявшимся в центр щита (574; 964–965; 1094; 1124; Schol. ad Aristoph. Acham. 574). Хотя схолиаст считает, что большая Горгона была нарисована в центре щита (Schol. ad Aristoph. Acham. 1095; ἐζωγράφου), скорее это была рельефная вставка на архаический манер (Aristoph. Acham. 1181; Schol. ad Aristoph. Acham. 574).

Существуют попытки определить родовые эмблемы у афинян. Так, английский нумизмат Ч. Селтмен предположил, что на афинских монетах второй половины VI в. до н.э. представлены гербы аристократических родов, доминировавших в определенный период²³. Данная теория подверглась критике и в целом не была принята, поскольку четкой геральдической системы в средневековом понимании у греков все же не существовало²⁴. Кроме того, Х. Смит полагал, что Силен был эмблемой

²³ Seltman Ch.T. Athens. Its History and Coinage before the Persian Invasion. Camb., 1924. P. 18–38, 53. 137–145.

²⁴ Buchem. Op. cit. P. 181–183; Lacroix L. Les blazons des villes grecques // Études d'archéologie classique. T. I. 1955/1956. P. 98–103.

рода Мегаклидов²⁵. Это предположение базировалось на изображении на плакетке из афинского акрополя конца VI в. до н.э., где был представлен гоплит со щитом, на котором изображен Силен, а также на надписи на этой же плакетке: «Мегакл прекрасен». Возможно, данное предположение верно, однако нельзя исключить и того, что изображенный персонаж мог выбрать эмблему в соответствии со своим личным вкусом или же художник мог просто так представить изображаемого.

На основании корректуры схолия к «Лисистрате» Аристофана считается, что эмблемой знатного афинского рода Алкмеонидов были три белых ноги, соединенные в центре²⁶. В этой комедии хор стариков призывает самих себя вспомнить, как они в молодости шли на Липсидрий (Aristoph. *Lys.* 664–670). При этом старцы обращаются друг к другу *λυκόποδες* – «волконогие». Однако, поскольку метрика стиха при этом нарушается и речь идет о демократах – противниках тирании, данное слово исправляется на *λευκόποδες*. Однако чтение *λυκόποδες* присутствует и в кодексах Аристофана, и у лексикографов (Hesych. *Suid.* s. v. *λυκόποδες*; Phot. s. v. *λυκόποδας*)²⁷. В античности не сомневались в правильности чтения и стремились его понять и пояснить. Древняя схолия так комментирует данное слово: «"Волконогими" называли, как говорит Аристотель, копьеносцев тиранов, ибо они бросали домашних рабов (*τῶν οἰκῆτων*) во цвете лет на охрану своего тела. "Волконогие" же они называются, потому что всегда имели ноги, обмотанные кожами (шкурами) волков, чтобы не обжечься от окружающей атмосферы. Некоторые же называют их "волконогими" из-за ношения на щитах эмблемы волка. Аристофан же говорит о так называемых сейчас Алкмеонидах, ибо они, подняв войну против тирана Гиппия и Писистратидов, укрепились в Липсидрии» (Schol. ad Aristoph. *Lys.* 665). Сами события относятся к 513 г. до н.э., когда Алкмеониды во главе небольших сил, состоящих из изгнанных аристократов, заняли Липсидрий на севере Аттики, пытаясь вернуться в Афины, но были выбиты оттуда силами Гиппия (Herod. V. 62; Arist. *Athen. pol.* 19. 3)²⁸.

Данный текст, видимо, состоит из нескольких слоев, поэтому он труден для интерпретации. Исходя из схолий получается, что термин «волконогие» относится и к копьеносцам тиранов, и к Алкмеонидам. Гезихий же прямо утверждает: «"Волконогие" – Алкмеониды: одни говорят, что из-за белизны ног (...) ибо они всегда были обуты» (ср. Phot. s. v. *λυκόποδας*). Однако сам термин «волконогие» упоминался у Аристотеля и был применим к страже тиранов. Объяснения же, почему так названы дорифоры, вероятно, относятся к более позднему времени, когда схолиасты уже точно не знали, откуда произошло это название²⁹: по одной версии, от обмоток на голенях, а по другой – от эмблем на щитах. Можно даже попытаться определить происхождение образа волка: *λύκος* (= «волк») был героем аттической области Диакрия (Schol. ad *Vesp.* 389, 819, 1223), жителей которой возглавлял Писистрат во время борьбы за власть в Афинах. Отсюда и могло появиться изображение волка на щитах воинов Писистратидов.

Волк редко встречается в качестве эмблемы щитов в вазописи. В каталоге Дж. Чейза приведен лишь один случай изображения фигуры животного на щите Афины на аттической чернофигурной панафинейской амфоре, а также изображения

²⁵ Smith H.R.W. *New Aspect of the Menon Painter* // University of California Publication in Classical Archaeology. V. 1. 1929. P. 55–57; ср. *Sekunda N.V.* *The Ancient Greeks*. L., 1986. P. 10; *idem.* *Hoplite Shield Devices*. P. 18.

²⁶ *Seltman.* Op. cit. P. 21, 34; *Smith.* Op. cit. P. 55–56; *Sekunda.* *The Ancient Greeks*. P. 10; *Litvinsky B.L., Pichikyan I.R.* *An Attic Shield with a Triskelion from the Temple of the Oxus (a Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Northern Bactria)* // *Ancient Civilization*. 1997. V. 4. № 2. P. 117; *Sekunda.* *Hoplite Shield Devices*. P. 19; ср. *Lacroix.* Op. cit. P. 100–102.

²⁷ *Hopper R.J.* *A Note on Aristophanes, Lysistrata 665–670* // *The Classical Quarterly*. N. S. 1960. 10. № 2. P. 242–247; *Sommerstein A.H.* *The Comedies of Aristophanes*. V. 7. Warminster, 1990. P. 84. Not. ad l. 664; P. 191. Not. ad l. 664.

²⁸ *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин в VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 156.

²⁹ *Hopper.* Op. cit. P. 245.

протомы волка и его головы³⁰. Впрочем, надо помнить, что живописцы, рисуя на вазах традиционные героические сцены, руководствовались при изображении реалий современной им практикой и тем, что, по их мнению, мог иметь древний герой на щите. Никакой стандартизации при этом не было. К примеру, на щитах той же богини Афины, изображенной на вазах, Дж. Чейз насчитал 62 различных эмблемы, из которых только две (горгонейон и сова) прямо связаны в мифологии с богиней³¹. С другой стороны, если стражники афинских тиранов действительно имели волка в качестве эмблемы, то вазописец, зная о принадлежности этого символа, мог специально не рисовать его у своих героев. Поскольку щиты стражам-рабам выдавали, то этим и объясняется стандартизация изображения. Таким образом, если пояснение схолии верно, то это наиболее раннее свидетельство об унификации символа на афинских щитах уже в последней четверти VI в. до н.э.

Если обратимся к Афинам, то увидим, что уже в архаическую эпоху здесь могли существовать определенные государственные символы³². Так, аббревиатуру АΘΕ мы встречаем на реверсах афинских монет середины VI – начала V в. до н.э.³³ Буквы А или АΘΕ мы видим на щитах у людей, изображенных на аттических вазах с конца VI в. до н.э.³⁴ Полагают, что эти буквы – не только символ города, но и обозначение богини Афины, ведь по крайней мере в одной сцене в вазописи подобную аббревиатуру имеет неафинский мифологический герой³⁵. Вместе с тем, судя по изображениям на вазах, афинские эфебы носили щиты с изображением АΘΕ во время гопплодрома еще в 430-х годах до н.э.³⁶

Итак, следующим этапом унификации эмблем было появление на щитах символа правителя или полуса. В античности эту унификацию относили к героической древности, в частности к эпохе Троянской войны. Так, троянцы спасаются от данайцев, меняя свои щиты на вражеские (Verg. Aen. II. 387–396). Комментатор Сервий Гонорат (ad Verg. Aen. II. 396) так поясняет данную стратегию: «На щитах греков был изображен Нептун, а на щитах троянцев – Миневра». Подобная интерпретация нам не известна по другим источникам и, возможно, является позднеантичным осмыслением события героической древности³⁷. Механизм унификации мы можем понять, обратившись к толкованиям описаний трагиков V в. до н.э., в частности Еврипида. Схолия так объясняет причину изображения гидры на щите Адраста: «Адраст, как аргивянин, имеет эту эмблему на щите» (Schol. ad Eurip. Phoen. 1135), т.е. Лернейская гидра представляется схолиасту в качестве местной «достопримечательности», изображение которой герой выбрал в знак своего происхождения, ведь Лерна находится недалеко от Аргоса. Аргус на щите Гиппомедонта объясняется подобным же образом: «Ибо он носил обозначение отечества в символе стража аргосской коровы» (Schol. ad Eurip. Phoen. 1114): стоглазый великан Аргус был стражем Ио, любовницы Зевса, превращенной ревливой Герой в корову; Гермес же усыпил и убил Аргуса, причем действие происходило в Немее, в Арголиде³⁸. Предводителя агригентцев времен II Пунической войны Гросфа Силий Италик (Pun. XIV. 211–212) наделяет щитом с изображением свирепого быка в память о знаменитом бронзовом животном тирана Фалариса. Хотя

³⁰ Chase. Op. cit. P. 126. № CCLXII; CCLXIII; CCLXIV.

³¹ Ibid. P. 82. О случайности эмблем щита Афины на панафинейских вазах даже у одного художника см. Lacroix. Op. cit. P. 102–103.

³² Cp. Lacroix. Op. cit. P. 103.

³³ Seltman. Op. cit. P. 56, 58, 60, 72, 94, 98, 100, 102.

³⁴ Chase. Op. cit. P. 87. № XXXVI; 110. № CXLVII, CLII.

³⁵ Anderson J.K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles, 1970. P. 19–20, 263. Not. 29. Также см. *Передольская Л.А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967. № СХХХVII, 2 – конная амазонка на аттической амфоре 440 г. до н.э. носит круглый щит с изображением «альфы».

³⁶ Sekunda. The Ancient Greeks. P. 21, 24.

³⁷ Cp. Bernd. Op. cit. S. 34. Anm. 2.

³⁸ Chase. Op. cit. P. 71–72.

в данном случае эмблема явно личная, ее можно рассматривать как переходную от личной, избранной по своему выбору, к государственной, представляющей наиболее значимый и знаменитый символ города. Следовательно, первоначально отдельные представители государства, возможно, не имевшие знатных предков, рисовали у себя на щитах символы своей родной страны, связанные с ее героическим прошлым или с богами-покровителями. Постепенно какой-то определенный символ становился более популярным и вытеснял другие эмблемы.

Спартанцы после победы под Танагрой над афинянами и аргосцами (457 г. до н.э.) посвятили в Олимпию в виде десятины от добычи золотой щит, на котором была изображена Медуза Горгона, а не какие-то другие символы, типичные для остальных греков (Paus. V. 10. 4). Подобное изображение было характерно для афинян и, судя по вазописи, широко распространено. Об этом же, как представляется, говорил и Аристофан в 411 г. до н.э. (Lys. 560). Естественно, такая популярность горгонейона в Афинах была связана с культом богини-эпонима города, которая носила эгиду с головой Медузы. Ведь даже самой богине приписывали щит с Горгоной (Eurip. Ion. 209–211; El. 1255–1256). Щиты с горгонейоном были обычным посвящением Афине в ее городе в первой половине IV в. до н.э. (IG. II². 1409. 11; 1425. 79). Таким образом, идет постепенная унификация изображений, и наиболее популярные горгонейоны вытесняют остальные. А само изображение горгонейона представляет собой продолжение архаической пышной традиции в эмблематике³⁹. Другой обычной эмблемой в Афинах был орел (Schol. ad Aristoph. Ran. 929), очевидно, символ царя богов Зевса.

Согласно фрагменту Вакхилида, мантинейцы имели на своих бронзовых гоплитских щитах Посейдонов трезубец (Od. 21 Blass = Schol. ad Pind. Olymp. X. 83). Поскольку Вакхилид жил в первой половине V в. до н.э., то и его свидетельство относится к реалиям данного периода⁴⁰. Ведь даже если контекст фрагмента мифологический, то и в этом случае авторы переносили современные им явления в древность. Данная эмблема продолжала традицию, согласно которой на щите изображался символ божества, в данном случае Посейдона, патрона аркадского города Мантинеи. К примеру, по мнению древних, этот бог помогал им в битве при Мантинее против спартанского царя Агиса IV (ок. 244 г. до н.э. – Paus. VIII. 10. ?; 5–10). Возможно, мантинейцы одними из первых произвели унификацию эмблем на щитах. При этом, если щиты не были выданы, изображения трезубца были самыми разнообразными по форме, поскольку воины рисовали их сами. Других сведений о каких-либо символах государства на щитах первой половины V в. до н.э. нет.

Обратимся снова к толкованию слова «волконогие». Интересную подробность приводит Фотий (s. v. *λυκόποδας*), объясняя причину такого странного наименования воинов: «"Волконогие", – Аристофан в "Лисистрате": боровшиеся против Гиппия при Липсидрии, как бы благородные; ибо подразумеваются копьеносцы тиранов, из-за того, что они заключали ноги в кожи (шкуры) и были "волконогими", или потому, что волк был эмблемой на их щитах от Дионисия Первого». Таким образом, в данном объяснении, кроме совмещения Алкмеонидов и копьеносцев тиранов, имеется интересная деталь: волк стал эмблемой на щитах воинов со времени сиракузского тирана Дионисия I. Причем период его правления (405–367 гг. до н.э.) был уже после постановки «Лисистраты» в 411 г. до н.э. Возможно, как раз этот комментарий и поясняет, почему схолиаст стал сопоставлять данное слово Аристофана с дорифорами. Гвардия Дионисия I состояла из наемников (Diod. XIV. 43. 3). Причем и рабов в критические моменты освобождали и включали в войско, за что они получали свободу (Diod. XIV. 58. 1; 78. 3; 96. 3)⁴¹. Постоянными противниками сиракузян

³⁹ См. Алексинский Д.П., Бутягин А.М. Горгонейоны на античном оружии // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. участников четвертого коллоквиума. СПб., 1997. С. 12–14.

⁴⁰ Н. Секунда предполагает, что Вакхилид в данном фрагменте описывал войска греков в битве при Платеях в 479 г. до н.э. (Hoplite Shield Devices. P. 20; ср. *idem*. The Spartan Army. Oxf., 1998. P. 57), однако мантинейцы прибыли к месту сражения уже после его окончания (Herod. IX. 77).

⁴¹ Parke H.W. Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxf., 1933. P. 68–69.

на Сицилии были карфагеняне. Дионисий усиленно готовился к очередному столкновению с пунами. Перед Второй карфагенской войной (398–392 гг. до н.э.) он, собрав ремесленников, развернул широкое производство вооружения по государственному заказу (Diod. XIV. 41. 3–5). Именно в таких обстоятельствах и могла произойти унификация эмблем на щитах, которую продиктовал заказчик.

Еще во время битвы при Делии (424 г. до н.э.) государственные эмблемы не были распространены ни у афинян, ни у их противников беотийцев, поскольку некоторые афинские гоплиты в суматохе боя поубивали друг друга (Thuc. IV. 96. 3). Ведь несмотря на поднимавшееся в бою огромное облако пыли (Thuc. IV. 44. 4), эмблемы на щитах можно было бы рассмотреть вблизи. Вероятно, не было у афинян стандартных эмблем и во время гражданской войны в 403 г. до н.э., когда афиняне сами изготовили щиты, просто покрыв их белой краской (Xen. Hell. II. 4. 25).

Разнообразие эмблем в Аттике во второй половине IV в. до н.э. подтверждается и эпиграфическим материалом. Так, в списке посвящений в Парфенон, датированном 368/7 г. до н.э., упоминаются четыре эмблемы на щитах: дельфин, горгонейон, орел и конь (IG. II². 1425. 372–373). В другой надписи-каталоге говорится о щитах с эмблемой-змеей и о иных несохранившихся в тексте эмблемах (IG. II². 1455. 61–65 – после 340/339 г. до н.э.; ср. 1414. 24, 30 – после 385/4 г. до н.э.; 1433. 14 – ок. 367/6 г. до н.э.; 1443. 221–222 – 343/2 г. до н.э.). Среди даров Асклепию упоминаются три щита, на которых изображен всадник, гоплит и Тезей (?), сражающийся с Минотавром (CIA. II–2. 835. 68 – ок. 320–317 гг. до н.э.). Хотя Дж. Чейз считает, что изображения всадника и гоплита обозначали род войска, в котором сражался воин⁴², третья эмблема не дает право так полагать. Судя по разнообразию символов на пожертвованных щитах, стандартизации у афинян в это время еще не было. Поскольку нет никаких указаний на то, что щиты принадлежали врагам, скорее это было оружие самих афинян, ведь щиты божеству подносились не только вражеские (AR. VI. 129–132), но и свои собственные (AR. VI. 124–128).

О разнообразии эмблем на щитах у афинян говорят и литературные источники. Так, во второй трети IV в. до н.э. щит оратора Демосфена был украшен золотой надписью ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ (Plut. Dem. 20), т.е. по существу индивидуальным обозначением. Не совсем ясно, с какой стороны щита была надпись, но, по-видимому, с внешней. Возможно, обычай написания девиза был достаточно древним, ведь надписи встречаются на щитах театральных героев V в. до н.э. У персонажей Эсхила девиз сочетался с эмблемой именно на внешней стороне щита. О выборе эмблемы Демосфеном Псевдо-Плутарх передает объяснения самого оратора: «Он, однако, сказал, что это эпитафия по павшим» (Ps.-Plut. Vit. X orat. 845f). Судя по тексту источника, оратор сказал это после битвы при Херонее, но, согласно его современнику и политическому противнику оратору Пифею, Демосфен бросил свой щит при бегстве в конце боя (Plut. Demosth. 20). Следовательно, эмблему Демосфен выбрал все же до сражения, возможно, в надежде на успешный исход битвы, однако позднее он сам реинтерпретировал девиз в качестве эпитафии по павшим в борьбе с македонянами. Само выражение «В добрый час!» было традиционным греческим пожеланием успеха (Thuc. IV. 118. 11; Aristoph. Pax 360; Vesp. 869; Plat. Crit. 44d; Symp. 177e). При этом характерно, что эмблему выбрал сам воин по каким-то своим мотивам. Таково было состояние развития эмблематики на щитах в Афинах в IV в. до н.э.

Можно отметить и особые функции эмблем. Видимо, существовали и эмблемы-сигналы. Так, софист Алкидамонт в речи, оправдывающей Одиссея по поводу предательства Паламеда, рассказывает об изображении на щите трезубца для того, чтобы противники-троянцы знали, около кого следует пустить стрелу с посланием (Alcidam. Odys. 9)⁴³. Хотя ритор и переносил данную практику в героическое прошлое, но

⁴² Chase. Op. cit. P. 75.

⁴³ См. Blass F. Die attische Beredsamkeit. Abt. 2. Lpz, 1892². S. 359–360.

скорее всего речь идет о современных ему военных реалиях второй четверти IV в. до н.э., когда унификация эмблем на щитах еще не вошла во всеобщее употребление.

В ходе Пелопоннесской войны, когда создаются достаточно многочисленные полиэтнические армии и когда все больше граждан привлекалось на службу, на щитах появляются и более ясные государственные символы – буквы. Наиболее полное сообщение о буквах-эмблемах находим у византийского комментатора Гомера Евстафия Фессалоникийского (Eustath. ad Hom. II. II. 581 (P. 293)): «Рассказывают, что лакедемоняне писали на своих щитах *лямбду* в качестве знака по начальной букве, обозначающей их самих, как мессенцы, их соседи и враги, – *мю*. Евполид говорит: "Я был поражен, увидев сияющие *лямбды*", то есть лаконские щиты. Также говорит и Феопомп: "*Лямбда*, то есть дурные щиты"» (ср. Phot. s. v. Λάμβδα; Apostolii Centuria X. 43a⁴⁴). Н. Секунда полагает, что знаменитый афинский комедиограф Евполид (ок. 446–412 гг. до н.э.)⁴⁵ описывал в данном пассаже строй войск в битве при Мантине (418 г. до н.э.)⁴⁶. Судя по этому сообщению, буква чеканилась на бронзовой обшивке гоплитского щита и начищалась до блеска, тогда как фон мог краситься (ср. Xen. Hell. II. 4. 25). Однако в других случаях эмблема могла быть и просто нарисована (ср. Schol. ad Aristoph. Ran. 929; ad Acharn. 1095; Xen. Hell. VII. 5. 20). Возможно, лакедемоняне были первыми, кто изобразил на щите начальную букву названия государства. Такая простота и ясность как раз соответствовала спартанскому лаконизму. Возможно, прав Н. Секунда, объясняющий происхождение буквенной аббревиатуры на щите от оружия, употребляемого при гоплодроме, когда бегуны имели щиты с подобным же обозначением города⁴⁷.

Таким образом, можно предположить, что спартанцы во время Пелопоннесской войны, снаряжая на войну илотов и выдавая им оружие, придали щитам символ государства (ср. Nep. 17. 3). Можно даже более конкретно связать это появление с фракийским походом Брасида (424 г. до н.э. – Thuc. IV. 80. 5)⁴⁸. Возможно, об этом говорит афинский стратег Клеон под Амфиполем (422 г. до н.э.)⁴⁹. *Лямбда* присутствовала на щитах спартанцев и в более позднее время, описываемое греческим историком Феопомпом (события 410–336 гг. до н.э.). В 343 г. до н.э. жители Элиды узнали спартанское войско по «лаконским эмблемам» на щитах (Paus. IV. 28. 5). Поскольку Павсаний употребляет в данном пассаже множественное число, то можно полагать, что не у всех лаконцев на щите была *Λ*; по-видимому, у них были и какие-то другие эмблемы⁵⁰. Дж.К. Андерсон полагает, что на спартанских щитах могла быть комбинация личной эмблемы с символом государства, как на современном военном шевроне, однако у нас нет ясных данных об этом⁵¹. Судя по вазописи, буквы на щитах могли сочетаться с изображениями, однако Дж. Чейз доказывает, что подобное сочетание являлось фантазией художника, поскольку аббревиатура или надпись не относятся к рисунку или сюжету, а говорят о качествах изображенного персонажа или владельца сосуда⁵².

Пелопоннесские союзники, а позднее и противники, также восприняли аббревиатурные эмблемы. Так, нам известно, что в 394 г. до н.э. на щитах сикионцев была изображена *сигма* (Xen. Hell. IV. 4. 10). Мессенцы после воссоздания своего государства в 369 г. до н.э. стали изображать букву *мю* на поле щита. Вместе с тем, даже в 362 г. до н.э. фиванцы имели на своих асписах нарисованную палицу –

⁴⁴ См. Parioemigraphi Graeci / Ed. E.L. Leutsch. T. II. Göttingae, 1841. P. 497.

⁴⁵ *Kaihel*. Eupolis. 3 // RE. Bd VI. Hbhd 11 (1907). Sp. 1230–1235.

⁴⁶ *Sekunda*. The Ancient Greeks. P. 25; *idem*. Hoplite Shield Devices. P. 21.

⁴⁷ *Idem*. Hoplite Shield Devices. P. 21–22.

⁴⁸ См. *Anderson*. Military Theory... P. 19, 263. Not. 26; ср. *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. III. Oxf., 1956. P. 548 (ad Thuc. IV. 80. 5).

⁴⁹ *Anderson*. Military Theory... P. 19, 263. Not. 26; ср. *Greger*. Op. cit. S. 57.

⁵⁰ *Bernd*. Op. cit. S. 40.

⁵¹ *Anderson*. Military Theory... P. 20.

⁵² *Chase*. Op. cit. P. 87, 110–111. № CLVII–CLXII.

символ их героя и покровителя Геракла (Xen. Hell. VII. 5. 20)⁵³. Следовательно, их эмблематика оставалась на предыдущей фазе своего развития.

Афиняне также не были среди первых, кто перешел к аббревиатуре. В Афинах на агоре около арсенала были найдены свинцовые жетоны с изображением на круглом поле *альфы*, датируемые концом IV – началом III в. до н.э. Поскольку данные жетоны связываются исследователями со щитами, то можно предполагать, что в это время и в Афинах перешли к символике в виде букв⁵⁴. Ведь оружие в этот период, скорее всего, выдавалось тем из граждан, которые не могли его приобрести (IG. II². 682. 24–28)⁵⁵. Афинским же эфебам в последней трети IV в. до н.э. государство выдавало копье и щит как главнейшие элементы гоплитского вооружения (Arist. Athen. pol. 42. 4)⁵⁶.

Поскольку источники периода эллинизма сохранились в неудовлетворительном состоянии, то нельзя точно указать, до какого времени существовали эмблемы-аббревиатуры. По крайней мере они встречаются во второй трети III в. до н.э. до перевооружения гоплитов овальными щитами по галатскому образцу, а позднее, во второй половине этого же столетия, – македонскими щитами. В 146 г. до н.э. Л. Муммий после разгрома ахейцев посвятил в храм Зевса в Олимпии 21 позолоченный щит. Причем Павсаний (V. 10. 5), рассказывающий об этом, не упоминает на данных щитах никаких узоров и эмблем, о которых он обычно говорит; видимо, их не было вовсе. Вместе с тем, вероятно, это были щиты отборного отряда.

В эпоху эллинизма принципы эмблематики изменяются. Об изображениях на щитах македонских солдат мы можем судить по сидонскому «Саркофагу Александра», где у гоплитов на их асписах – медальоны с изображением головы неких божеств или, что менее вероятно, людей⁵⁷. Это, по-видимому, негреческая традиция, поскольку у эллинов из аналогичных сюжетов обычно изображался символ или животное бога, или сверхъестественный персонаж (Горгона, Пегас, крылатый вепрь и т.д.), или по крайней мере второстепенные божества (Силен) – причем в нарративной традиции лишь на щитах героев мы наблюдаем фигурные изображения. На покрытом бронзой гоплитском щите, найденном в «Могиле Филиппа» в Вергине, обнаруживаем предположительно сцену амазономахии⁵⁸, т.е. никаких символов в данном случае нет. Следовательно, несмотря на сильную роль государства в Македонии, мы еще не находим унификации изображений, хотя, по-видимому, государственное обеспечение оружием уже существовало. С другой стороны, это был щит военачальника, который, естественно, мог отличаться от обычных асписов. Вероятно, определенная униформизация началась в армии Александра в Индии, куда доставили 25000 комплектов нового вооружения (Diod. XVII. 95. 4; Curt. IX. 3. 22).

Уже на монете пеонийского князя Патрея (335–315 гг. до н.э.) мы обнаруживаем всадника, поражающего неприятеля, вооруженного типичным македонским щитом, который впоследствии станет обычным у эллинистических отборных отрядов. Щит этот круглый с ободом по периметру, со звездой в центре внутри круглого медальона и четырьмя полукругами у края⁵⁹. Подобный узор, состоящий из кругов и полукружий с круглым медальоном в центре, позднее чеканился на бронзовой обкладке щитов гоплитов македонской фаланги.

Эллинистические монархи строили свои армии на принципах, заложенных Филиппом II и Александром III, возможно, именно поэтому буквенная аббревиатура на

⁵³ Отметим, что в античной традиции значком фиванцев также считался сфинкс (*Lactan. ad Stat. Theb.* VII. 251).

⁵⁴ *Kroll J.H.* Some Athenian Armor Tokens // *Hesperia*. 1977. 42. № 2. P. 141–143.

⁵⁵ *Ibid.* P. 146; *Sekunda.* The Ancient Greeks. P. 56; *idem.* Hoplite Shield Devices. P. 22.

⁵⁶ *Pritchett W.K.* Ancient Greek Military Practices. Berkeley – Los Angeles – London, 1971. P. 3–4. Not. 3.

⁵⁷ См. *Winter F.* Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg, 1912. Taf. 2, 5–8, 14.

⁵⁸ *Андроникос М.* Царские гробницы в Вергине // ВДИ. 1990. № 1. С. 115.

⁵⁹ См. *Герасимов Т.* Царские монеты, чеканенные и находившиеся в обращении по болгарской земле. София, 1977. С. 44–45. Фиг. 10; *Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea, 1982. P. 112. Fig. 40b.

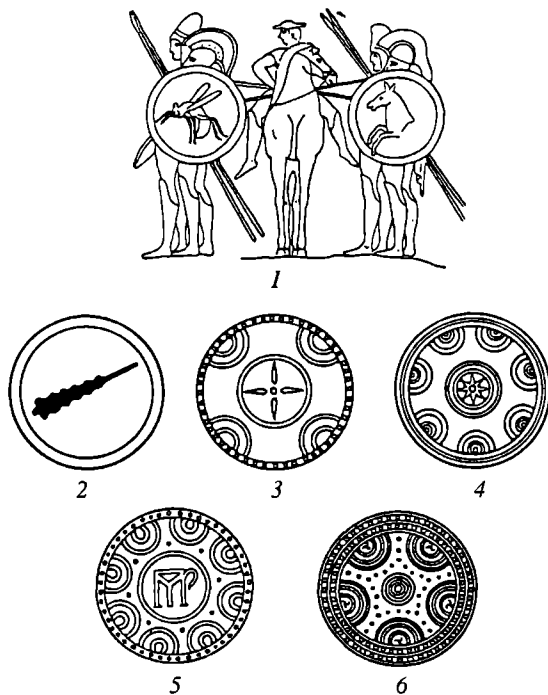


Рис. Эмблемы на древнегреческих щитах. 1 – голплиты, представленные попарно со скифами-лучниками. На щитах показаны комар и протомы коня. Аттическая чернофигурная ваза. По: Helbig W. *Les ἱππεῖς ἀθηναῖοι* // *Mémoires de l'Institut National de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Т. 37. P., 1904. P. 219. Fig. 27; 2 – щит, на котором изображена палица. Луканская ваза конца V в. до н.э. По: Head D. *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea, 1982. P. 96. Fig. 19 v; 3 – щит пораженного пехотинца, показанного на монете Патрея (335–315 гг. до н.э.). По: Head. *Op. cit.* P. 113. Fig. 40 b; 4 – бронзовый щит с вычеканенным рельефом, показанный на фреске, представляющей свадьбу Антигона Гоната в 279 г. до н.э. По: Head. *Op. cit.* P. 113. Fig. 40 f; 5 – изображение щита с монограммой Пирра, отчеканенной им как царем Македонии на монете (последняя четверть III в. до н.э.). По: Head. *Op. cit.* P. 113. Fig. 40 e; 6 – македонский пехотный щит, показанный на монументе Эмилия Павла, воздвигнутом в честь победы при Пидне (168 г. до н.э.). По: Head. *Op. cit.* P. 113. Fig. 40 k

щитах у их армий не привилась. Символика присутствовала в частности на щитах отборных подразделений, вооруженных круглыми македонскими щитами: у золото-, серебро- и белошитных. Подобные щиты имели бронзовые (посеребренные, позолоченные или побеленные) обшивки, на которых были вычеканены концентрические круги, полукружия, а в центре могла располагаться эмблема: голова божества (например, Пана), звезда Аргиадов, якорь или слон Селевкидов – об этом мы можем судить по монетам, имеющим аналогичное щитам оформление⁶⁰. Возможно, в центральном медальоне был, как и на монетах, портрет правителя. Хотя прямых данных об этом у нас нет, но в свете идеологической политики диадохов и эпигонов кажется вероятным, что отборные подразделения могли иметь щиты с таким портретом. У основной массы эллинистической пехоты, состоявшей из фиреофоров, щиты были, по-видимому, без каких-либо специальных эмблем, впрочем, определенные отличия могли быть в окраске щитов у отдельных подразделений (ср. Mauric. *Strat.* XII. 8. 4; Leo *Tact.* VI. 24).

⁶⁰ Head. *Op. cit.* P. 112–113; Sekunda N.V. *Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 B.C.* V. 1. Dewsbury, 1994. Fig. 17; ср. Launey M. *Recherches sur les armées hellénistiques*. Т. I. P., 1949. P. 354–356.

Таким образом, общий ход развития эмблематики щитов у древних греков можно представить следующим образом. В микенскую эпоху эмблем не было. О периоде «темных веков» у нас нет ясных данных, но, вероятно, и в этот период щиты были без изображений. Возможно, иррациональная форма дипилонского щита объяснялась некими сакральными функциями, впрочем, обычно определенные сакральные функции носили и изображения. Сама же форма щита должна была быть утилитарна, а ее развитие тормозил лишь консерватизм. Со второй половины VIII в. до н.э. на щитах мы обнаруживаем простой орнамент, который в следующем столетии развился в настоящие эмблемы, идею которых греки, возможно, через карийцев заимствовали с Ближнего Востока⁶¹, где в IX–VII вв. до н.э. существовали круглые облицованные бронзой щиты с головой животного посередине⁶². В архаическую и раннеклассическую эпоху эмблема на щите выбиралась самим воином и часто носила апотропейную функцию. Поскольку первыми гоплитами были аристократы, гордящиеся своим родом, а оружие передавалось от отца к сыну, то стали распространяться определенные фамильные (родовые) эмблемы, символизовавшие знатное происхождение или подвиг предка. Как уже отмечали исследователи, в целом в эпоху архаики изображения на щитах великолепные или устрашающие, а в последующий классический период – монотонные и невыразительные⁶³. Данная перемена, естественно, связана с общей тенденцией переориентации эстетических ценностей древних греков с переходом от пышной архаической культуры к более строгой классической, а в социальном плане – от аристократии к демократии и олигархии. Когда полис оформился и произошла конституционализация государства, индивидуалистическое начало стало уступать место общественному: в первой половине V в. до н.э. на щитах появляются символы, характеризующие весь город целиком, например, трезубец Посейдона у мантинейцев. Поскольку именно щит имел достаточную площадь для показа символа, а кроме того, уже существовала традиция изображения тут эмблем, то и символ государства стали изображать здесь же. Вероятно, подобная унификация впервые произошла у отборных отрядов, служба в которых была более регулярной, чем в ополчении. Простая линейная тактика фаланг и ясное представление, где свои и чужие, не способствовали развитию государственной эмблематики. Однако создание полиэтнических коалиционных армий, появление новых родов войск и усложнение самой тактики боя во второй половине V в. до н.э. потребовали простого и отчетливого различия войск сражающихся сторон. Этому же процессу способствовало и массовое привлечение мужского населения в армию в ходе Пелопоннесской войны и государственная выдача оружия. Возможно, именно спартанцы с их стремлением к простоте и лаконизму первыми изобразили у себя на щите *лямбду*, символизовавшую обозначение их государства, саму идею им подали изображения на щитах спортивного гоплодрома. От лакедемонян этот обычай перешел к их союзникам и ближайшим противникам. Афиняне же, наоборот, были аутсайдерами в этом процессе: у них *альфа* появилась на щитах, видимо, только в раннеэллинистическую эпоху. Магистральная же линия развития эмблематики в этот период шла уже другим путем – путем развития династических и царских эмблем, которые вставлялись в оформление щитов отборных отрядов. Основная масса войск в монархиях диадохов и эпигонов, по-видимому, вообще не имела никаких знаков отличия на своих щитах.

Итак, можно выделить основные этапы развития эмблем на щитах древних греков: 1) простые геометрические узоры (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.); 2) индивидуальные эмблемы (VII–V вв. до н.э.); 3) родовые и семейные гербы

⁶¹ Snodgrass A.M. Carian Armourers. The Growth of a Tradition // JHS. 1964. 84. P. 107–118 (выступает против античной традиции о карийцах как изобретателях в военной области; вместе с тем автор полагает, что эмблему изобрели все те же карийцы; греки заимствовали гребень, рукоятки и эмблему щита в последней четверти VIII в. до н.э.).

⁶² Горелук М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993. С. 182; Borchhardt. Op. cit. S. 44.

⁶³ Anderson. Military Theory... P. 17; Kroll. Op. cit. P. 142–143.

(VII(?)/VI–IV вв. до н.э.); 4) государственные символы (вторая половина VI(?)/V–IV вв. до н.э., возможно, и позднее); 5) аббревиатура названия государства в виде начальной буквы (последняя четверть V–IV в. до н.э., вероятно, и позднее); 6) эллинистические символы царских династий и правителей. Естественно, данная датировка достаточно приближительна. Разные стадии развития могли сосуществовать в одних и тех же полисах, особенно это касается трех первых фаз эволюции.

А.К. Нефёдкин

DEVELOPMENT OF BLAZONRY ON THE ANCIENT GREEKS' SHIELDS

A.K. Nefedkin

The author analyzes the general way of the development of emblematics of Ancient Greeks' shields. In the Mycenaean epoch, the shields had no emblems. The Dark Age data are unclear, but probably shields also had no figured images. Perhaps, the irrational shape of the Dipylon shield had a sacred function. The shape of a shield usually was utilitarian, its development being braked only by conservatism. However, shield images usually had a sacred function. In the second half of the 8th century BC the shields had a simple geometric ornament that developed into blazon in the 7th century BC. The Greeks borrowed the blazon from the Near East, probably, through the Carians. In the Near East, there were bronze-faced shields with heads of animals in the centre in the 9th–7th centuries BC. In the Archaic and early Classical period, a warrior chose by himself the blazon which used to have a protective function. As the first hoplites were rich aristocrats proud of their families, and the arms were transferred from father to son, splendid emblems spread which symbolised noble origin or feat of an ancestor. When the polis formed, the individual traits began to turn into public ones: in the first half of the 5th century BC, the blazons appeared which symbolised a whole city, for example, Poseidon's trident of the Mantineians. For the first time, probably, the unification took place in the elite units, where the service was more regular than in the levy. The simple linear tactics of phalanxes and a clear visual distinction between friendly and hostile troops, did not favour development of the state emblems. On the other hand, in the 5th century BC, emergence of coalition armies which consisted of different cities' contingents, appearance of new armed forces, and complication of battle tactics, required simple and clear distinction of the enemies. The massed recruitment into army during the Peloponnesian war and distribution of arms promoted the same process. Probably, it was the Spartans, with their preference for simplicity and laconicism, who were the first to depict the lambda on their shields. The idea of the initial letter of a city name was borrowed from sportive run with shield. The custom passed from the Spartans to their allies and nearest enemies. The Athenians were outsiders in the process of blazon development: the alpha appeared in their shields, probably, in the Early Hellenistic time. In that period, the main way of development was that of dynastic and imperial emblems. The blazons were put onto the shields of elite units. Most warriors of the Hellenistic kings probably had no distinctions on their shields at all.

So, it is possible to single out the basic stages of emblem development of ancient Greeks' shields: 1) simple geometrical patterns (the second half of the 8th – first half of the 7th century BC); 2) individual emblems (7th – 5th centuries BC); 3) patrimonial and family arms (7th(?)/6th – 4th centuries BC, and probably later); 4) state symbols (the second half of the 6th (?)/5th – 4th centuries BC, and probably later); 5) abbreviations of the cities' names in the shape of the initial letter (the last quarter of the 5th – 4th century BC, and probably later); 6) Hellenistic symbols of the imperial dynasties and kings. Indeed, dating is rather approximate. Various stages of development might coexist in the same cities in the same period. It especially concerns the three first pre-uniformed phases.